Е. А. Звягинцевъ.

До чего нужда довела крестьянъ.

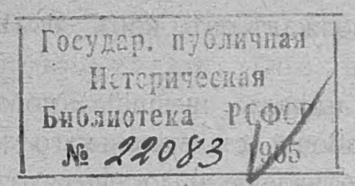
Цѣна 5 коп.
Книгоиздательство
„Къ Свѣту"
въ Ростовѣ на Дону.

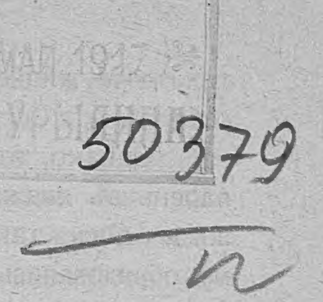
[1906]

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе . . 15
Бѣлоконскій—Самоупр. и земство 5
Булгакова—Японія и японцы . . 20
А. Ѳ. Быкова—Англія и англич. . 15
Б. Б.—Великая франц. революц. 15
Водовозовъ—Всеоб. изб. пр. на Зап 5
Гауптманъ—Ткачи 12
Горбуновъ—Гарантіи личной своб. 10
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр. 7
Живаго—Освобожденіе Швейцаріи 6
Звягинцевъ—Общ. движ. въ Росс. 15
К. Каутскій—Ирландія 7
К. Каутскій—Прот. клас. инт. . . 15
Каутскій—Развитіе формъ госуд. . 7
Кизеветтеръ—Изъ ист. зак. въ Рос. 15
Кизеветтеръ—Рус об. въ XVIII ст. 15
Кизеветтеръ XIX вѣкъ въ ист. Рос. 10
Кизевет.—Протопопъ Аввакумъ . 8
Кизевет.—Кузнецъ-Гражданинъ . 10
Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды . 15
Мякотинъ На зарѣ рус. общест. . 15
Петрушевскій—Велик. хар. вольн. 15
Пругав.—Прошл. и наст. Шлис. кр. 5
Прокоповичъ—Длина рабоч. дня 5
Строевъ—Моск. гос. передъ реф. 10
Семев.—Изъ ист. общ. теч. въ 40 г. 15
Б. С. Трудъ и Капиталъ . 6
Лассаль—Сущн. конституціи . . . 8
Дарестъ—Бельгійск. конституція 7
Созывъ народн представителей 10
Лассаль—Программа работниковъ 8
Э. Шатріанъ—Ист. одного крест. 20
Рожковъ—Ист. крѣп. права въ Рос. 10
Прокоповичъ—Аграрное движеніе 5
Милюковъ—Верховн. и Шляхет. 15
Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в. 10
Государство будущаго . . . . .
К. Каутскій—Соціальная реформа 25
Жилищный вопросъ 10
Зомбартъ—Соціал. въ XIX вѣкѣ 15
Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. 20
Гра—Марсельцы 25
Гэдъ Коллективизмъ 4
Сторожевъ—Біографія Грановск. 10
Марксъ—Гражданская война . . 10
Либкнехтъ—Отъ обороны къ напад. 10
Шиппель—Профес. рабоч. союзы 10
Голубевъ—Роль земства 12
Зем. и город. Россія о нар. пред. . 10
Милюковъ—Исконныя начала . . 5
Дживелеговъ—Отвѣтст. министр. . 3
Амичисъ—Студ. и соц. вопросъ . 5
Общественное движ. въ Японіи . . 6
Голубевъ—Крест. въ Госуд. Думѣ 3
Якушкинъ—Государствен. Дума 3
Когда въ Росс. оконч. тѣл. наказ. 3
Семевск.—Крѣп. право въ пр. Щедр. 20
Русская исторія ч. I. 10
Русская исторія ч. II. 12

Царь-голодъ 10
48-й годъ въ Германіи 10
Эконом. полож. еврейск. пролет. 4
Мирбо—Дурные пастыри 10
Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос. 60
Вересаевъ—Честнымъ путемъ . . 7
Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ . . 4
Книга русскаго рабочаго 12
Тунъ—Ист. революц. движ. въ Рос. 50
Госуд. устр. въ запад-европ. стран. 6
Митинги въ Англіи 10
Страхованіе рабочихъ 15
Парижская коммуна 1870—1871 гг. 10
Кеннанъ—Сибирь и каторга . . . 25
Борьба за народ. пред. въ Англіи 15
Революція въ Вѣнѣ 3
Каутскій—Аграр. воп. въ Россіи . 3
Рубакинъ Русская исторія ч. I. . 15
» ч. II . 15
„Впередъ" Сборникъ стихотвор. . 20
Туровъ—Восьмич. раб. день . . . 3
Кабановъ—Катехиз. англ. гражд. 6
Бернштейнъ Форм. хозяйст. жиз. 8
Приказчичій вопросъ въ Россіи . 4
Васильевъ—Что такое отечество 8
Мазовецкій—Процессъ пролетар. 6
Мартовъ—Пролетарскій праздн. . 4
Жоресъ и Гэдъ—Тактика с.-демок. 5
Толстой—Исповѣдь 15
Сатуринъ—Ирландія 15
Кавелинъ—Изъ ист. ор. позем. собств. 4
Ярошъ—Послѣдній король . . . 20
Пругавинъ—Тайны Шлиссельбур.
Іеллинекъ—Бюджетное право . .
Государственныя преступл. т. I. 1 50
» т. II 75
Кабановъ—О налогахъ 2
Князьковъ—Освобожд. крестьянъ
Каутскій—Всеобщая стачка . . . 4
Избир. комп. въ свободн. государс. 4
Эритье—Револ. студенч. во Фр. . 4
Быкова—Гос. устр. С.-А. Штат. . 20
Бѣлоконскій—Отъ дер. до парл. . 6
Дитятинъ—Когда воз. розн. въ Рос. 20
Роль—Какъ происх. револ. на Зап. 35
Петровъ—Прогрес. экон. партія . 8
Организованный трудъ . . . . .
Долой забастовщиковъ . . . . .
Существуетъ ли барщина . . . .
Данъ—Рабоч. движ. и с.-д. въ Россіи 15
Смерть Импер. Павла I
Процессъ 16-ти . . . .
Морозовъ—Стихотворенія 25
Кенанъ—Посл. заяв. рус. либерал. 7
Жоресъ—Всеобщая стачка . . . 3
Сатуринъ—Индія и ея горе . . . 15
Кропоткинъ—Къ молодежи . . . 4
К. Шмидтъ—Безраб. и борьб. съ ней 10
Берштамъ—Якутскій процессъ . 15

До чего нужда довела крестьянъ.

I.

Кирилловъ.

Надъ городомъ Саратовомъ нависли осеннія сѣрыя тучи. Утромъ 31 октября 1905 года по Ильинской улицѣ торопливо шелъ человѣкъ, плохо одѣтый, ежась отъ холода и сырости. Подмышкой у него было много печатныхъ афишекъ.

Быстро, почти бѣгомъ онъ переходилъ отъ одного фонарнаго столба къ другому, отъ одного забора къ другому и наклеивалъ вездѣ маленькое объявленіе саратовскаго губернатора, напечатанное большими буквами: «По Высочайшему повелѣнію прибудетъ въ Саратовскую губернію, для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, генералъ-адъютантъ Сахаровъ».

Одно такое объявленіе онъ наклеилъ къ столбу на углу Ильинской и Константиновской улицъ. Здѣсь бываетъ всегда много всякаго народа. Черезъ нѣсколько минутъ зазвенѣла и остановилась конка. Кучка людей вылѣзла изъ вагона и направилась въ разныя стороны. Между другими слѣзли съ конки и два барина въ дорогихъ одеждахъ и съ высокими шляпами, Подойдя къ столбу они внимательно прочитали губернаторское объявленіе и радостно взглянули другъ другу въ глаза.

—Вотъ прекрасно!—громко сказалъ одинъ изъ нихъ который былъ повыше ростомъ.

—Давно бы этакъ... Допустили такое безобразіе... Пороть ихъ, мерзавцевъ,—вотъ и вся недолга,—отвѣтилъ его спутникъ, отходя отъ столба.

—Мужичье... негодяи—продолжалъ онъ, какъ бы про себя.

Однако, эти слова ясно слышалъ шедшій позади парень въ пиджакѣ, лѣтъ 18, рабочій съ маленькаго завода. Онъ также прочиталъ объявленіе и догадался, чему обрадовались тѣ два барина, которые шли впереди его. Они надѣялись, что генералъ Сахаровъ строгими мѣрами смиритъ бунтующихъ крестьянъ. Они желали, чтобы генералъ послалъ въ деревни побольше казаковъ, солдатъ, оружія и страхомъ подавилъ крестьянскій бунтъ; они хотѣли, чтобы казаки и драгуны спасли ихъ хлѣбные амбары и богатые хоромы въ ихъ экономіяхъ.

Захолодѣло на сердцѣ молодого Кириллова,—такъ звали парня. Его большіе сѣрые глаза смотрѣли на проходящихъ мимо людей, смотрѣли на дома, но не видѣли ихъ. Безпокойныя грустныя мысли вертѣлись въ его головѣ. Уже много слуховъ за послѣдніе дни доходило до него изъ Аткарскаго уѣзда, откуда онъ пріѣхалъ въ Саратовъ всего 3—4 мѣсяца назадъ. Много разсказовъ доходило до него и изъ другихъ деревень. Говорили о поджогахъ и грабежахъ. Говорили, что господскіе дома, амбары, постройки и даже сады безъ жалости сжигались крестьянами, а сами помѣщики, дворяне и купцы должны выѣзжать изъ своихъ помѣстій. Землю господскую крестьяне объявили своею собственностью. Хлѣбъ, имущество и скотину господскую крестьяне забирали себѣ. Казенныя винныя лавки они разбивали, водку распивали, а денежную выручку брали себѣ на покупку оружія. Говорили и о безчинствѣ казаковъ, которые появились въ разныхъ мѣстахъ для усмиренія мужиковъ.

Разные слухи ходили по городу о крестьянскомъ возстаніи. Кирилловъ чувствовалъ, что досужіе языки болтаютъ много и вздору, но и самъ онъ не имѣлъ вѣрныхъ извѣстій о томъ, что же на самомъ дѣлѣ творится по деревнямъ.

А знать бы хотѣлось. Еще больше смущало Кириллова другое незнаніе. Онъ не могъ сообразить, къ лучшему или къ худшему взялись крестьяне за поджогъ помѣщичьихъ усадебъ, за захватъ господской земли и хлѣба.

Онъ не могъ рѣшить, осуждать-ли возставшихъ крестьянъ или не осуждать. Онъ терялся въ мысляхъ и догадкахъ. Ему обидно было слышать о насиліяхъ, какія, по разсказамъ, совершили его односельчане. Ему горько было слышать упреки, какіе расточались въ городѣ крестьянамъ. Иные называли крестьянъ за ихъ поджоги и разборъ экономій прямо разбойниками. Кирилловъ въ душѣ тоже не могъ оправдать образа дѣйствій крестьянъ. Онъ всякое насиліе осуждалъ. И въ то же время не допускалъ, чтобы въ деревнѣ рѣшились на поджогъ спроста. Ему и въ голову не могла притти мысль сравнить крестьянъ съ грабителями, которыхъ судитъ судъ и осуждаетъ на каторжныя работы или въ ссылку. Онъ хорошо понималъ, что разбирали помѣщичій хлѣбъ и поджигали господскія усадьбы не воры и не преступники, а трудолюбивые пахари и сѣятели. Сбивчивыя мысли не оставляли Кириллова цѣлый день. Пробовалъ онъ въ слѣдующіе дни разговориться о деревенскихъ событіяхъ кое съ кѣмъ изъ своихъ товарищей по заводу. Но разговоры эти не уяснили ему ничего. «Вѣрно, знакомыхъ у меня нѣтъ хорошихъ» грустно подумалъ Кирилловъ. Добывалъ читать Кирилловъ и газеты, —онъ былъ хорошо грамотенъ. Въ газетахъ было много изъ различныхъ уѣздовъ Саратовской губерніи описаній о нападеніяхъ на помѣщичьи дома, о пожарахъ и пьянствѣ крестьянъ. Сообщалось тамъ и объ арестахъ многихъ крестьянъ, объ избіеніи ихъ казацкими нагайками, о ссорахъ и дракахъ между самими крестьянами. Сообщеній и описаній было много, а Кирилловъ все-таки не въ состояніи былъ разобрать, виноваты-ли бунтующіе крестьяне или нѣтъ. Изъ газетъ онъ узналъ, что въ Аткарскомъ, Саратовскомъ, Петровскомъ, Балашевскомъ и Сердобскомъ уѣздахъ выгорѣли отъ поджога сотни дворянскихъ и купеческихъ усадебъ, сотни тысячъ пудовъ помѣщичьяго хлѣба разобрано крестьянами и увезено по своимъ домамъ, сотни тысячъ хлѣба сожжено, десятки тысячъ коровъ, овецъ и лошадей разогнано, уведено или зарѣзано. Съ тревогой въ душѣ Кирилловъ встрѣчалъ и перечитывалъ въ свободные отъ работы часы газетныя извѣстія. Вотъ

что писали, напримѣръ, въ газетѣ изъ одного конца Петровскаго уѣзда.

«Каждый вечеръ и всю ночь небо охвачено заревомъ пожаровъ: жгутъ помѣщичьи усадьбы. Картина погромовъ одна и та же. Къ усадьбѣ подъѣзжаетъ толпа крестьянъ на парахъ и тройкахъ, сзади тянутся подводы для хлѣба. Многіе крестьяне имѣютъ револьверы или ружья. Ночью по бокамъ несутъ зажженные факелы. Передъ разгромомъ дѣлаютъ нѣсколько выстрѣловъ въ окна, а затѣмъ разбираютъ имущество, берутъ хлѣбъ и угоняютъ скотъ. Къ одному помѣщику (г. Сусанову) крестьяне подъѣхали днёмъ на 500 подводахъ, взломали амбаръ и нагрузили подводы хлѣбомъ; одного льняного сѣмени 6 вагоновъ. Г. Сусановъ спасаясь захватилъ шкатулку съ деньгами; его поймали, отняли деньги, но не тронули самого. Послѣ этого перерѣзали всѣхъ шленскихъ овецъ. Затѣмъ поѣхали и дальше, оставивъ горы овечьихъ труповъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ, напримѣръ, у кн. Гагариной, охраняли 3—4 казака, но, конечно, ничего не могли сдѣлать съ толпою. Иногда крестьяне являлись въ село, которое не принимало участіе въ погромахъ, и заставляли собирать (даже ночью) сходъ для составленія приговора о присоединеніи къ нимъ. Такъ было въ Даниловкѣ и Зміевкѣ. До утвержденія приговора крестьяне становились съ зажженными факелами у гуменъ, угрожая поджечь въ случаѣ отказа. Крестьяне с. Чепушки отправили 20 подводъ въ имѣніе Гагарина. Вскорѣ двѣ подводы вернулись съ перерубленными ободьями телѣгъ. На нихъ напали казаки и шашками рубили телѣги.

Въ Балашовскомъ уѣздѣ только въ одну ночь съ 28 на 29 октября сожжено и разгромлено 38 владѣльческихъ экономій. Крестьяне предлагали помѣщикамъ убираться изъ деревни, давая иногда подводы на проѣздъ и вывозъ имущества».

Чѣмъ больше Кирилловъ читалъ газеты, тѣмъ яснѣе ему было величіе и важность крестьянскаго движенія *)

*) Возстаніе, поднятое саратовскими крестьянами, перебросилось съ другія сосѣднія губерніи—Тамбовскую и Пензенскую. Появились слухи о крестьянскомъ волненіи въ Курской, Екатеринославской, Смоленской, Воронежской и въ прочихъ губ.

Онъ читалъ и перечитывалъ по три раза газетныя описанія деревенскихъ событій, и ему очень хотѣлось поговорить о нихъ съ кѣмъ-нибудь изъ ученыхъ людей, уяснить себѣ смыслъ и послѣдствія крестьянскаго бунта.

Онъ рѣшилъ пойти поговорить объ этомъ къ Ивану Васильевичу. Этотъ Иванъ Васильевичъ былъ раньше народнымъ учителемъ въ селѣ Вороновѣ, близко отъ той деревни, откуда былъ Кирилловъ, а теперь Иванъ Васильевичъ жилъ въ Саратовѣ. Года три тому назадъ онъ былъ арестованъ по одному политическому дѣлу, восемь мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, потомъ его выпустили на свободу, но учителемъ въ школѣ быть не дозволили. Съ тѣхъ поръ Иванъ Васильевичъ жилъ въ Саратовѣ, но мѣсяца три тому назадъ онъ снова былъ арестованъ и только 18 октября, послѣ манифеста о свободѣ, вышелъ изъ саратовской тюрьмы вмѣстѣ съ другими заключенными по политическимъ дѣламъ.

Кирилловъ смутно догадывался, что именно Иванъ Васильевичъ можетъ растолковать какъ слѣдуетъ о происшествіяхъ въ деревняхъ. Какъ только подошелъ праздникъ, онъ пошелъ къ Маркову,—тотъ зналъ его еще маленькимъ мальчикомъ,—и передалъ ему свои сомнѣнія.

Марковъ согласился побесѣдовать и велѣлъ Кириллову притти къ нему на другой день вечеромъ и притти, если хочетъ, не одинъ, а съ своими товарищами, которые тоже хотѣли послушать о крестьянскомъ движеніи.

Дѣйствительно, нѣсколько вечеровъ подрядъ Кирилловъ ходилъ съ своими товарищами къ Ивану Васильевичу и много переговорилъ съ нимъ. Всѣхъ ихъ разговоровъ и передать трудно, но въ короткихъ словахъ мы постараемся въ этой книжкѣ изложить то, что зналъ и говорилъ Иванъ Васильевичъ о крестьянскомъ положеніи и о крестьянскомъ бунтѣ.

II.

Мирныя просьбы и заявленія крестьянъ.

Поднялось крестьянство и захотѣло насильно завладѣть землей и господскимъ хлѣбомъ—говорилъ Иванъ Ва-

сильевичъ. Крестьянство положило собственной властью взять себѣ землю, освободиться силой отъ помѣщичьей кабалы, выдварить краснымъ пѣтухомъ господъ помѣщиковъ изъ деревни. Вы спрашиваете меня, отчего крестьяне не пожелали *добромъ* улучшить свою долю, зачѣмъ не попробовали *добромъ и миромъ* поправить свое положеніе? Вы спрашиваете, почему крестьяне не попросили высшее правительство войти въ ихъ бѣдность. Вы говорите, что насиліе, угрозы и поджоги противны вашей душѣ.

Я со всѣми крестьянами не говорилъ, и крестьяне бываютъ разные. Но я думаю, что крестьянамъ такъ же, какъ и намъ съ вами, противны насилія, угрозы и поджоги, и крестьяне любятъ добро и миръ. Я знаю, что крестьяне долгое, очень долгое время надѣялись на помощь и распоряженіе высшаго правительства. Долгое, очень долгое время они смирно сидѣли и ждали того времени, когда выйдетъ сверху рѣшеніе прирѣзать земли крестьянамъ. Земли крестьянамъ досталось мало, а, какая досталась, то плохая, гораздо хуже помѣщичьей. У помѣщиковъ земли было много и при томъ хорошая. При отходѣ крестьянъ на волю, имъ нарѣзали поля и участки какіе по хуже, а что поцѣннѣе и удобнѣе, то оставлялось за дворянами: своя рука была владыка. Много лѣтъ крестьяне терпѣли и тѣсноту и обиды,—и терпѣли они свою долю покорно. Покорные они были убѣждены, что придетъ скоро день, когда царскимъ указомъ вся помѣщичья земля или по крайней мѣрѣ часть ея отойдетъ къ крестьянамъ, къ настоящимъ хлѣборобамъ, отойдетъ къ тѣмъ, кто собственнымъ пóтомъ поливаетъ землю, кто собственными руками ее обрабатываетъ. Этой надеждой долгое время утѣшались крестьяне, и никто изъ нихъ не посягалъ силой отбирать у помѣщиковъ землю. Такъ тянулись десятки лѣтъ. Спросите объ этомъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, и они вамъ подтвердятъ это. Они еще могутъ вамъ разсказать и о томъ, какъ плохо для нихъ кончались всѣ ихъ жалобы въ судѣ на помѣщиковъ. Часто они догадывались, что ихъ грубо обманули при надѣленіи землей, и затѣвали судебныя дѣла. Они наряжали часто ходоковъ въ Петербургъ, чтобы до-

биться своихъ правъ и правды насчетъ земли. Но и судебныя дѣла, и посылка ходоковъ въ Петербургъ не помогали мужикамъ. Передъ судомъ они являлись безъ бумажныхъ доказательствъ, а въ Петербургѣ ходоковъ называли безтолковыми людьми, а то и вредными смутьянами; оттуда ихъ часто препровождали этапнымъ порядкомъ на родину или ссылали въ Сибирь. Такъ часто оканчивались мужицкія попытки мирно добыть себѣ земли. Однако, и послѣ такихъ неудачъ мужики послушно ждали и терпѣли. Они все ожидали царскаго слова о прирѣзкѣ земли. Они ждали его даже и тогда, когда по всѣмъ деревнямъ была объявлена царская рѣчь, сказанная къ волостнымъ старшинамъ; въ этой рѣчи ясно было сказано, что крестьяне не должны разсчитывать на прирѣзку, что ихъ надежды и ожиданія тщетны. Однако, крестьяне продолжали твердо надѣяться, ибо считали свое дѣло правымъ. Такъ было по всей Россіи; такъ было и въ Саратовской губерніи. Нужда росла, и крестьяне ломали голову надъ тѣмъ вопросомъ, какимъ же способомъ довести о своей нуждѣ до свѣдѣнія высшаго правительства, какимъ образомъ довести до высшихъ мѣстъ о своей бѣдности и безправіи. То начальство, какое было передъ глазами крестьянъ, не хотѣло вступиться за ихъ интересы. Главное лицо въ деревни—земскій начальникъ; но онъ вѣдь самъ баринъ и, конечно, не могъ стать на сторону крестьянъ. Въ земствѣ—крестьянъ мало, а господъ много больше. Да и земство-то высшіе чиновники и министры не слушали. Полиція—чужая, барская. Волостныя и сельскія власти—въ рукахъ у земскаго, да и что они могутъ сдѣлать, если бы захотѣли помочь крестьянамъ? Все начальство тянуло сторону собственниковъ-помѣщиковъ. Передъ такимъ начальствомъ и заикнуться о прирѣзкѣ земли было опасно,—легко попадешь въ кутузку, какъ смутьянъ. Урядники, стражники и жандармы усердно присматривали за мужиками и наблюдали, какъ бы ни затѣялись гдѣ разговоры о землѣ, какъ бы ни попали къ крестьянамъ книжки о земельной собственности, какъ бы ни попалъ къ нимъ человѣкъ изъ интеллигенціи съ вольными рѣчами о землѣ. Крестьянство

было сдавлено со всѣхъ сторонъ, и кричать о пощадѣ ему было строго воспрещено; а если когда и удавалось какому крестьянскому обществу подать свой голосъ, то ему зажимали ротъ, заставляли его розгами и пулями молчать. Такъ тянулось дѣло до самаго послѣдняго времени. Правительство, казалось, не желало удовлетворить нужды мужицкія; правительство даже не хотѣло слушать о нихъ. Всѣ надежды крестьянскія безжалостно разрушались. Тогда-то во многихъ мѣстахъ крестьяне на мірскихъ сходкахъ или просто въ собраніяхъ стали постановлять приговоры о своихъ нуждахъ и посылать ихъ въ Петербургъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ предсѣдательствуетъ самъ царь. Я прочту вамъ нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ. Въ нихъ крестьяне *мирно* заявляли высшему правительству о своихъ потребностяхъ, мирно просили и о надѣленіи ихъ землей, мирно просили о человѣческихъ для себя правахъ. И однако, эти мирныя крестьянскія просьбы не привели къ хорошему. Въ газетахъ много печаталось крестьянскихъ приговоровъ и просьбъ, какія въ продолженіе 1905 года составлялись крестьянами и посылались въ Петербургъ. Но я всѣхъ приговоровъ читать вамъ не буду,—это долго. Прослушайте только малую ихъ часть. Изъ нихъ вы увидите, какъ откровенно, довѣрчиво и мирно заявляли крестьяне правительству о своихъ потребностяхъ. Вотъ, напр., крестьяне села Чирикова Балашовскаго уѣзда (Саратовской губ.) составили весной 1905 года общественный приговоръ, въ которомъ между прочимъ написали:

«Обсудивъ свое бѣдственное положеніе мы пришли къ заключенію, что первая и самая главная причина нашего бѣдствія—малоземелье и высокая арендная плата помѣщичьихъ земель, совершенно недоступныхъ для крестьянъ, такъ какъ у насъ нѣтъ и такого количества, которое необходимо для прокормленія семьи, нѣтъ выгоновъ для своего скота, нѣтъ лѣсовъ и водопоевъ; вся земля и необходимыя для крестьянъ угодья находятся въ рукахъ помѣщиковъ, монастырей, церквей и удѣловъ; насъ обременяютъ высокими налогами и штрафами не только за скотъ, но даже и за куръ, зашедшихъ на помѣщичью землю. Обсу-

дивъ жизнь крестьянъ въ деревнѣ крестьяне постановили: для удаленія нищеты и безправія ходатайствовать предъ комитетомъ министровъ: о передачѣ земли въ пользованіе трудящихся лицъ, поскольку она имъ необходима, т. е. столько, сколько каждый можетъ обрабатывать своимъ трудомъ».

Прочту вамъ еще прошеніе одного крестьянскаго общества Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи:

«Велика у насъ нужда, Государь! Очень велика. Веземъ мы кладь, которая становится намъ не по силамъ. Были у насъ силы—было покойно за нашей спиной Твое благоденствіе и благоденствіе всей Россіи.

Мы обременены непосильными налогами—прямыми и косвенными. Размноженіе и тѣснота на нашихъ пятидесятилѣтнихъ надѣлахъ невѣроятная. Мы раздробились и обезземелѣли. Прикажи, Государь, министрамъ немедленно разобраться въ нашихъ нуждахъ при нашей же помощи. Мы прекрасно и ясно знаемъ, шагъ за шагомъ, всѣ причины, подорвавшія и подрывающія въ конецъ наше хозяйство, наши силы и нашу жизнь. Твои предки, Монархи нашихъ предковъ, внимали голосу нужды народной. Внемли же Ты нашему голосу, нашему воплю изстрадавшейся души, истощеннаго тѣла.

Распорядись, Государь, немедленно призвать нашихъ представителей, которые будутъ нами честно выбраны всеобщей, равной, тайной подачей голосовъ (ничего, что среди насъ будутъ другой вѣры и націи), чтобы эти выборные оказались людьми, къ которымъ лежитъ наше сердце и довѣріе.

Призови только нашихъ представителей-ходатаевъ, и все рѣшится само собой. Есть среди насъ, крестьянъ, настолько Богомъ одаренные разумомъ и сметкой, честностью, геройствомъ и самопожертвованіемъ, что не уступятъ Твоимъ министрамъ».

Подобныхъ крестьянскихъ приговоровъ и прошеній было подано по Саратовской губерніи и по всей Россіи очень *много*.

Въ городѣ Петровскѣ Саратовской губерніи въ іюлѣ мѣсяцѣ собрались въ земской управѣ человѣкъ 200 крестьянъ и сообща составили описаніе своего положенія и представили его начальству. Описаніе это длинно и я только часть его прочту вамъ. Послушайте.

«Мы родились и воспитались въ крестьянствѣ. Никакихъ промысловъ кромѣ земледѣлія мы не знаемъ и не въ силахъ знать, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого ни капиталовъ ни науки. Земледѣліе должно насъ поить-кормить. Оно должно давать намъ возможность скопить копейки на черный день, когда придется, напримѣръ, свадьбу сыграть, сына въ солдаты отправить, или голодный годъ пережить. Съ него же мы подати платимъ, свое сельское начальство и суды содержимъ, духовенству за требы даемъ, церкви, больницы, школы строимъ, дороги исправляемъ, а что самое главное—косвенные налоги на своихъ плечахъ выносимъ. Весь акцизъ на вино, на спички, на керосинъ, чай, сахаръ и прочіе продукты собираются по большей части съ насъ. Сотни милліоновъ руб. должны мы, крестьяне, ожидать изъ матушки-земли, чтобы удовлетворить общегосударственныя нужды. Однако, земли въ нашемъ распоряженіи имѣется столько, что мы не въ силахъ жить на ней даже впроголодь. Кромѣ того нѣтъ у крестьянъ выгоновъ для скота, нѣтъ сѣнокоса, нѣтъ лѣса для топлива и для самыхъ необходимыхъ построекъ, нѣтъ водопоевъ, нѣтъ никакихъ угодій. Всѣ угодія либо казенныя удѣльныя, либо монастырскія и церковныя, либо дворянскія и купеческія. Такое положеніе дѣлъ заставило крестьянъ залѣзть съ головой въ кабалу къ владѣльцамъ земли. Кабала эта во всемъ: снимаетъ-ли крестьянинъ землю за деньги, онъ платитъ въ видѣ аренды весь свой урожай, беретъ-ли исполу землю, отдаетъ владѣльцу задаромъ весь свой трудъ, снимаетъ-ли луга и пастбища—платится своей шкурой. И часъ отъ часу становится все хуже, все труднѣй... а дѣться не куда. Пробовали мы послать ходоковъ въ Сибирь, чтобы переселиться, но тамъ для мужика приготовлена новая кабала. Всѣ лучшія земли Сибири принадлежатъ Кабинету Его Величества и казакамъ. Земли же лѣсныя и неудобныя, хотя

и отдаются крестьянамъ-переселенцамъ, но онѣ требуютъ для приведенія ихъ въ состояніе плодородія громадной и непосильной для крестьянина затраты труда и капитала и къ тому же отводятся смежно съ помѣщиками, которыми хотятъ обогатить Сибирь, какъ и Россію.

Вотъ какъ живется намъ при малоземелье, но не лучше приходится отъ безправія. Надъ нами, крестьянами, столько начальства, что мы не знаемъ подчасъ, кого больше бояться. Мы не знаемъ, кто и для чего именно ихъ столько нанималъ, но видимъ, что начальниковъ надъ нами больше, чѣмъ надзирателей надъ арестантами въ тюрьмѣ. Точно мы, крестьяне, такіе большіе преступники. Всѣ эти начальники на насъ кричатъ, всѣ ругаются, всѣ грозятъ тюрьмой, плетью, нагайкой и воинской силой. Законъ у насъ одинъ—палка. Въ обращеніи къ намъ у нихъ имѣется одно только ласковое слово: «дай!» Не говоря уже о тѣхъ начальникахъ, которые родомъ происходятъ отъ нашихъ законныхъ закабалителей-дворянъ, какъ, напримѣръ, земскій начальникъ, исправникъ, губернаторъ и другіе, даже наше выборное начальство, старшины и староста, даже священники, призванные быть пастырями церкви Христовой, и тѣ измываются надъ нами, потому что нашей мірской воли нѣтъ надъ ними никакой. Самое главное, что необходимо сдѣлать возможно скорѣе, такъ это устранить нашу кабалу, остановить наше разореніе. Такъ какъ кабала развилась отъ того, что рядомъ съ крестьяниномъ-землепашцемъ, живутъ собственники-землевладѣльцы, богатѣющіе отъ крестьянскаго труда, благодаря беззаконному праву собственности на даръ Божій—землю, указанную Создателемъ во владѣніе тому, кто въ потѣ лица снѣдаетъ хлѣбъ свой,—то необходимо всю землю въ русскомъ государствѣ отобрать отъ частныхъ собственниковъ, кто бы они ни были, и отдать ее въ пользу земледѣльческимъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы земля дѣлилась по душамъ между землепашцами-общественниками, обрабатывающими ее своимъ трудомъ. Только послѣ того, какъ исполнится все нами намѣченное, начнется въ русской землѣ житье сносное, и народъ сможетъ выбиться

на правильный путь. Если же этого скоро не будетъ, то родинѣ нашей грозятъ большія бѣды.

1) Для проведенія изложенныхъ началъ въ жизнь и устройство на этихъ началахъ государственной и общественной жизни нашего отечества совѣтъ признаетъ необходимымъ немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго равнаго права съ прямой и тайной подачей голосовъ.

2) Для борьбы за положенную программу и учрежденіе собранія организо ать крестьянскій союзъ Петровскаго уѣзда, учредителями котораго признать всѣхъ членовъ настоящаго собранія совѣта.

3) Избрать комиссію для разработки устава этого союза.

4) Представить настоящую резолюцію въ совѣтъ министровъ, губернское и уѣздное собранія.

Какой же толкъ вышелъ крестьянамъ, подавшимъ свои приговоры и прошенія и заявленія? Толку никакого не было. Дошли эти приговоры и прошенія до Государя, до совѣта министровъ—неизвѣстно. Но только не понравилось губернаторамъ, земскимъ начальникамъ и полиціи та правда, какую выкладывали мужички.

Не понравилось чиновникамъ то, что въ крестьянскихъ приговорахъ и прошеніяхъ осуждалась ихъ служба, раскрывалась ихъ неправда. Не понравились господамъ помѣщикамъ крестьянскія требованія земли и указаніе на несправедливость крупной собственности и богатства. Забезпокоилось крупное и мелкое начальство. Начался сыскъ въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, откуда подавались прошенія; началось разслѣдованіе, кто писалъ прошенія, кто научилъ, кто подговорилъ, стали разъѣзжать земскіе и полиція, и на виноватыхъ посыпались начальственные окрики, брань, угрозы, налагались аресты, отвозили, сажали людей въ тюрьмы. Сердилось начальство, рвало и метало за то, что крестьяне за умъ взялись и стали понимать, отчего ихъ бѣдность и темнота. Въ іюлѣ мѣсяцѣ саратовскій губернаторъ Столыпинъ приказалъ всѣмъ земскимъ начальникамъ не допускать составленія такихъ прошеній объ общихъ

нуждахъ крестьянскихъ, приказалъ не допускать собраній крестьянъ; онъ объявилъ, что мужикъ не смѣетъ разсуждать о собственности помѣщиковъ, объ измѣненіи государственныхъ порядковъ; его статья, дескать, ковырять только свою полоску земли да платить подати, а разсуждать о важныхъ преметахъ—не его ума-разума дѣло, незаконное дѣло. Такъ объявилъ саратовскій губерноторъ, а различные земскіе, становые, урядники и стражники принялись всюду по всей губерніи вынюхивать, не бесѣдуютъ-ли гдѣ крестьяне о своихъ потребностяхъ, не собираются-ли гдѣ писать прошенія. Петровскіе крестьяне, которые сдѣлали описаніе своего положенія, напечатали было свое описаніе и разослали его по мужикамъ въ уѣздѣ. Полиція стала отбирать силой это описаніе и называло его преступнымъ.

Конечно, не въ одной саратовской губерніи вышло такое гоненіе на крестьянскія прошенія, а вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Зажали ротъ мужику такъже, какъ и всегда зажимали ему ротъ. Затѣмъ и держали его всегда въ темнотѣ, чтобы не понималъ хитрости и жестокости начальства. Затѣмъ и не пускали въ деревню къ крестьянамъ людей образованныхъ и ученыхъ; а если кто и пробирался изъ нихъ въ деревню, то его ловили и арестовывали разныя ищейки вродѣ жандармовъ и урядниковъ. Въ такомъ-то положеніи оказались крестьяне. Ихъ жалобы, ходатайства и прошенія не принимались или объявлялись преступными. Само правительство крестьянамъ не помогало и въ то же время запрещало имъ просить о помощи. Мирные выходы изъ тяжелаго положенія были закрыты на-глухо. Что было дѣлать мужикамъ? Ничего не осталось дѣлать, какъ самовольно брать и захватывать силой то, чего не согласны были отдать добромъ. Вотъ почему, по моему, саратовскіе крестьяне принялись за насилія. Я убѣжденъ, что принялись они за нихъ скрѣпя сердце, но другой дороги они не видѣли. Если мнѣ нужно выйти изъ хаты, а злые люди заколотили въ ней двери и окна, то я поневолѣ примусь выламывать дверь или окно силой. Всякое насиліе незаконно и пагубно, но допустили его крестьяне не по

своей охотѣ, а доведенные глухимъ и слѣпымъ чиновничьимъ правительствомъ. Вѣрно-ли, товарищи?—закончилъ Иванъ Васильевичъ. «Вѣрно, вѣрно»,—подтвердили Кирилловъ и его друзья.

III.

Чѣмъ тяжела крестьянская жизнь?

Теперь я вамъ постараюсь доказать невыносимую тяготу крестьянской жизни, доказать до какой степени обижены во всемъ крестьяне.

Скажу вамъ сначала о налогахъ. Налоги эти крайне разорительны для крестьянъ. Они во много разъ обременительнѣе налоговъ дворянскихъ, купеческихъ или другихъ какихъ. Сообразите сами,—я укажу вамъ суммы. Въ Саратовской губерніи одинъ крестьянскій дворъ каждый годъ выплачиваетъ прямыхъ, явныхъ сборовъ—казенныхъ, земскихъ и мірскихъ—23 рубля. Конечно, дворъ на дворъ не приходится: въ одномъ дворѣ земли больше, въ другомъ меньше, со одного двора сходитъ платежей больше, съ другого мельше, но, если считать кругомъ, то на средній крестьянскій дворъ обязательныхъ прямыхъ платежей начислено въ годъ 23 рубля! Если налоги разверстать на десятины, то выйдетъ, что со всякой крестьянской десятины въ саратовской губерніи каждый годъ взыскивается 2 руб 50 коп., а со всѣхъ крестьянъ ежегодно берется прямыхъ налоговъ болѣе *8 съ половиной милліоновъ рублей.* Дворяне же уплачиваютъ прямыхъ налоговъ много меньше: со всякой дворянской десятины они уплачиваютъ только 37 копеекъ, а крестьяне—мы говорили—уплачиваютъ 2 руб. 50 коп. Стало быть, съ дворянской земли прямыхъ налоговъ приходится 7 разъ меньше, чѣмъ съ крестьянской. Каждому человѣку извѣстно, что помѣщичья земля лучше крестьянской, что она всегда родитъ больше и лучше, чѣмъ крестьянская. Налога же съ помѣщичьей земли, какъ видите, сходитъ гораздо меньше, чѣмъ съ крестьянской. А купцы, капиталисты и фабриканты платятъ прямыхъ налоговъ еще меньше. Вотъ первая несправедливость.

Я говорилъ вамъ о прямыхъ, то есть явныхъ нало-

гахъ съ земли, съ двора или съ души. Ихъ выколачибается въ годъ съ саратовскихъ мужиковъ восемь съ половиной милліоновъ рублей. Но кромѣ нихъ есть еще налоги въ казну скрытые или, какъ ихъ называютъ, *косвенные.* Они тоже очень большіе. Косвенные налоги уплачиваются нами не прямо въ казну, а при покупкѣ табаку, спичекъ, керосина, чая, сахара, водки, пива и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ. Казна беретъ акцизъ съ заводчиковъ, фабрикантовъ и купцовъ, а мы отдаемъ этотъ акцизъ купцамъ при покупкахъ. Незамѣтно для себя мы переплачиваемъ большія деньги казнѣ. Особенно много казна получаетъ отъ торговли водкой. Хочешь зимой работать вечеромъ при огнѣ —плати акцизъ за спички и керосинъ; хочешь покурить —плати акцизъ за спички и табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже настоящей ея цѣны, а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати пошлину на желѣзо. Такъ во всемъ. Куда ни повернется сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ, что съ него казна беретъ, беретъ и беретъ. Такимъ незамѣтнымъ способомъ саратовскіе крестьяне ежегодно переплачиваютъ въ казну почти 7 милліоновъ, дворяне же и купцы косвенныхъ налоговъ даютъ казнѣ меньше. Такимъ образомъ, крестьяне прямыхъ и косвенныхъ платежей вмѣстѣ уплачиваютъ съ Саратовской губерніи въ годъ *15 милліоновъ рублей.* Это значитъ, что со всякаго средняго крестьянскаго двора ежегодно идетъ прямыхъ и косвенныхъ платежей почти 50 руб. Таковы жертвы крестьянъ для государственныхъ, земскихъ и мірскихъ дѣлъ. Вотъ какая уйма деньжищъ собирается съ саратовскихъ крестьянъ. То же и въ другихъ губерніяхъ. Изъ этихъ 15 милліоновъ больше 9 милліоновъ идетъ въ казну. Теперь я спрошу васъ вотъ о чемъ. Осмотритесь кругомъ и сообразите, что дается саратовскимъ крестьянамъ за эти 9 милліоновъ рублей, что крестьянинъ получаетъ отъ правительства за тѣ жертвы, какія несетъ каждый годъ пахарь и сіятель. Вдумайтесь получше, и вы поймете, что петербургскіе министры получаютъ въ свое распоряженіе со

всѣхъ губерній каждый годъ огромныя суммы мужицкихъ денежекъ, тратятъ ихъ куда-то по своему хотѣнію, а о нуждахъ крестьянскихъ позабыли совсѣмъ. Огромныя деньги, какія сбирались до сихъ поръ съ народа, тратились на большія жалованья безчисленному количеству крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ и начальниковъ, тратились на войско, расточались на помощь и поддержку богатыхъ фабрикантовъ и банковъ, на постройку желѣзныхъ дорогъ, на крѣпости и города на Дальнемъ Востокѣ, на казаковъ и жандармовъ, на содержаніе полиціи и тому подобное. Толку для крестьянъ отъ такихъ расходовъ очень мало, зато много вреда и убытку. Отъ такихъ расходовъ туже набивались карманы богатыхъ купцовъ, беззаботнѣй жилось знатнымъ чиновникамъ, шире раскидывались поля помѣщиковъ и выше воздвигались фабричные трубы капиталистовъ. А для крестьянъ было одно разореніе. Крестьяне съ каждымъ годомъ хирѣли и бѣднѣли, скотины становилось меньше, надѣлы земельные дробились на маленькіе клочки, долги крестьянскіе росли, кабала отъ помѣщиковъ и кулаковъ увеличивалась. Такъ было по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ. Послѣднія деньги приходилось отдавать въ казну. Но вы спросите: можетъ быть, богатѣло государство русское, можетъ быть оно отъ высокихъ крестьянскихъ платежей становилось могущественнымъ, сильнымъ, непобѣдимымъ? Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ чиновники разорили крестьянъ и не укрѣпили, а ослабили государство. Огромная Россія оказалась на войнѣ слабѣе маленькой Японіи. Чиновники не сумѣли и войска-то устроить какъ слѣдуетъ. Чиновники привели наше отечество на край гибели. Такъ же какъ довели крестьянина до крайней бѣдности непомѣрными, непосильными налогами. Вотъ какъ хозяйничало чиновничество.

Кромѣ казны крестьяне много еще уплачиваютъ въ мірскіе сборы—волостные и сельскіе. Въ саратовской губерніи крестьяне отдаютъ до 3 милл. руб. на волостные и сельскіе расходы. И этими деньгами распоряжаются не сами крестьяне, а больше земскіе начальники да волостные старшины; только малая доля этихъ средствъ идетъ на дѣло, нуж-

ное для сельской жизни, вродѣ школы, поправку дорогъ или еще что. На полезные расходы идутъ земскіе сборы и страховые платежи, но они-то меньше казенныхъ, меньше мірскихъ. Земскіе платежи идутъ на больницы, докторовъ, фельдшеровъ, на училища и учителей, на ветеринаровъ и лѣчебницы, на склады плуговъ и машинъ и прочее. Но какъ разъ на эти именно нужды высшее правительство приказываетъ тратить меньше всего. Пять лѣтъ тому назадъ, въ 1900 году, изданъ былъ даже особый законъ о предѣльности земскихъ расходовъ. Заботы о здоровьѣ и просвѣщеніи народа чиновникамъ казались ненужными. Теперь скажите мнѣ, правильно-ли жаловались крестьяне въ своихъ постановленіяхъ, приговорахъ и ходатайствахъ на тяжелое бремя налоговъ, на великую кладь, которая стала имъ не посиламъ? Скажите мнѣ, виноваты-ли крестьяне въ томъ, что ихъ жалобы на эту кладь были отвергнуты? Виноваты-ли они въ томъ, что рѣшили отказаться отъ уплаты налоговъ казнѣ? Подумайте объ этомъ и, я увѣренъ, что вы ихъ простите въ своей душѣ, но зато осудите чиновниковъ, которые всячески зажимали ротъ людямъ, указывавшимъ въ собраніяхъ, въ газетахъ и книгахъ на тяжкое положеніе крестьянъ.

Я сказалъ вамъ о податяхъ и налогахъ. Теперь посмотримъ съ вами, сколько земли у саратовскихъ крестьянъ и сколько ея у помѣщиковъ. Вся саратовская губернія —большая. Всего въ ней земли $7^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Изъ этого количества крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ 4.155.000 десятинъ, дворянамъ, чиновникамъ и купцамъ—1.900.000 десятинъ, а прочая земля принадлежитъ казнѣ, удѣльному вѣдомству, городамъ и разнымъ учрежденіямъ. Если не подумать, такъ можетъ показаться, будто у крестьянъ земли достаточно много: вѣдь у нихъ, молъ, имѣется больше 4 милліоновъ десятинъ. Но это неправильно, такъ какъ самихъ-то крестьянъ въ губерніи несравненно больше, чѣмъ дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и прочихъ сельскихъ жителей. Судите сами: во всей губерніи, въ деревняхъ и городахъ, живетъ 2.500.000 человѣкъ (мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей); изъ этихъ $2^1/_2$ мил-

ліоновъ жителей 2.300.000 крестьянскаго сословія, и только около 250 тысячъ считается жителей другихъ званій. Это значитъ, что крестьянъ въ 10 разъ больше, чѣмъ всего остального населенія. А если выкинуть изъ 250 тысячъ некрестьянскаго населенія 220 тысячъ мѣщанъ и духовенства, то окажется, что дворянъ, купцовъ и чиновниковъ, проживающихъ въ городахъ и деревняхъ губерніи, всего 30 тысячъ человѣкъ, т. е. ихъ почти въ 80 разъ меньше, чѣмъ крестьянъ. Между тѣмъ земли у дворянъ, купцовъ и чиновниковъ только въ 2 раза меньше, чѣмъ во всѣхъ крестьянскихъ обществахъ. Вотъ какая неравномѣрность. Конечно, есть и среди дворянъ, купцовъ и чиновниковъ малоземельные, но есть и большіе богачи: у нихъ и земли много и земля удобная. У многихъ изъ нихъ по нѣсколько сотъ, по нѣсколько тысячъ десятинъ. Такъ обстоитъ дѣло въ Саратовской губерніи, такъ и въ другихъ губерніяхъ.

Мало, очень мало приходится земли на крестьянъ и въ Саратовской губерніи. Я сказалъ, что за всѣми крестьянскими обществами считается 4.155.000 десятинъ. Если же раздѣлить мысленно это количество на число живыхъ душъ мужского пола, то окажется, что на одну душу въ среднемъ приходится теперь 3$^{1}/_{2}$ тридцатныхъ десятины. Какъ извѣстно, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ земли больше, а у бывшихъ помѣщичьихъ меньше. У нихъ на одну живую душу мужского пола приходится въ среднемъ всего 2 десятины (тридцатки, казенныхъ): тутъ и пашня, и усадьба, и выгонъ, и лугъ, и лѣсъ! Третья часть бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣетъ земли на одну живую душу *меньше одной* десятины (меньше 2000 кв. саж.). Это значитъ, что третья часть помѣщичьихъ крестьянъ лишена всякой возможности вести какое-нибудь сносное хозяйство. Изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ только самая незначительная доля имѣетъ достаточное количество надѣльной земли; это—счастливцы, которымъ всѣ завидуютъ. О нихъ мы и не говоримъ. Нужно и то принять въ разсчетъ, что изъ самихъ крестьянъ есть богатѣи, стянувшіе къ себѣ чужіе надѣлы. Ихъ многоземелье соз-

далось на счетъ другихъ крестьянъ. Поэтому есть много дворовъ совершенно безземельныхъ. А гдѣ малоземелье, тамъ и большой недостатокъ въ рабочемъ скотѣ. Есть много безлошадныхъ. Больше 80 тысячъ семей крестьянскихъ въ Саратовской губерніи совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота! Члены этихъ семей — въ долгахъ и въ кабалѣ у богатыхъ людей. Вотъ каково обезпеченіе крестьянъ землей. Населеніе размножается. Малоземелье крестьянское съ каждымъ годомъ увеличивается и все острѣе чувствуется крестьянствомъ. Правительство лѣтъ двадцать тому назадъ устроило крестьянскій банкъ для выдачи крестьянамъ ссудъ на покупку земли. Однако, этотъ банкъ устроенъ былъ такъ, что бѣднымъ крестьянамъ покупать черезъ него землю было дорого. Банкъ мало кому изъ нуждающихся крестьянъ помогъ. Цѣну же на землю онъ очень повысилъ, цѣна на землю стала теперь вдвое дороже, чѣмъ была двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ нашей Саратовской губерніи покупокъ земли черезъ банкъ было больше, чѣмъ по другимъ губерніямъ, но и то всего лишь шестая часть домохозяевъ прибѣгла къ помощи банка. Значитъ, если считать на кругъ, то одинъ всего дворъ изъ шести дворовъ воспользовался ссудой изъ банка и теперь выплачиваетъ высокіе платежи. Есть крестьяне, у которыхъ банкъ опять отобралъ купленныя земли за неплатежъ денегъ. Стало быть, отъ крестьянскаго банка толку вышло мало. Крестьянскаго малоземелья банкъ не устранилъ.

Страшное утѣсненіе въ надѣльной землѣ гонитъ крестьянъ къ помѣщикамъ, заставляетъ снимать втридорога землю у господъ, купцовъ и крестьянъ-богатѣевъ; нужда заставляетъ за снятую пашню или лугъ выплачивать большія деньги, отрабатывать дорогія работы и вообще соглашаться на тяжелыя условія. Глядя на нужду мужицкую помѣщикъ воленъ назначать какія ему угодно условія, ломить любую цѣну, назначать всякіе отработки, да еще дѣлать видъ, будто милость оказываетъ лѣнтяю-мужику. И никто никогда не вступился за интересы мужика. Саратовскіе крестьяне деньгами и своей работой выплачиваютъ за арендуемую землю около 6 мил-

ліоновъ рублей въ годъ! Вотъ въ какую сумму обходится саратовскимъ крестьянамъ право трудиться на снятой землѣ. А много-ли выработаетъ на ней крестьянинъ—это всякій знаетъ. Хорошо, если онъ выкоситъ солому, а то въ плохой годъ кромѣ ничего не получитъ, только обильнымъ пòтомъ польетъ господскую пашню.

Я не стану вамъ больше пояснять нужду и утѣсненіе саратовскихъ крестьянъ;—очень будетъ длинно. Вы хотя и молоды, но многое знаете, многое чувствуете. Не стану говорить о томъ, какъ дешево вездѣ платятъ батракамъ и поденнымъ рабочимъ, какъ дешево крестьяне сбываютъ свой урожай разнымъ ссыпщикамъ, какъ трудно достать крестьянамъ взаймы денегъ, какъ связанъ и скрученъ крестьянинъ по рукамъ и ногамъ. Его руки и ноги отпускаютъ лишь для того, чтобы онъ собственными пальцами отсчиталъ послѣднія кровныя деньги въ казну, чтобы зашагалъ за сохой, принялся гнуть спину за всякой работой, косить барскую пшеницу, или вообще лишь для тяжелаго труда.

Крестьянинъ—это дойная корова, которую усердно до конца выдаиваютъ, но не кормятъ какъ слѣдуетъ; ее лишь скудно подкармливаютъ, чтобы не издохла черезчуръ скоро. И десятки лѣтъ терпѣли такую жизнь крестьяне. Но всякому терпѣнію приходитъ конецъ...... Отчаянная нужда и только нужда толкнула саратовскихъ мучениковъ на захватъ господской земли, на захватъ чужого хлѣба и скота, на поджогъ барскихъ усадебъ. И не судите этихъ отчаявшихся людей, и не смѣйте называть ихъ ворами, грабителями и поджигателями. Не забудьте еще и о томъ, что въ нынѣшнемъ году въ Саратовской губерніи хлѣбъ очень плохо уродился. Зима предстояла голодная, и уже осенью давала о себѣ знать нехватка хлѣба. Полуголодные и голодные крестьяне пошли на полные хлѣбомъ амбары помѣщиковъ, и кто не пойметъ ихъ желанія прокормить себя свою семью и своихъ ребятишекъ? Кто станетъ отрицать за ними всякое право на хлѣбъ, добытый ими же самими! Кто сравнитъ ихъ съ грабителями чужого добра?

IV.

Знало-ли правительство крестьянскую нужду?

Малоземелье и большие налоги за 40 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ постепенно разоряли крестьянство. Вы спрашиваете меня, знало-ли о томъ высшее правительство? Извѣстно-ли было министрамъ и всему правительству разореніе сельскаго народа? Вопросъ вашъ правильный, и я отвѣчу на него твердо. Да, правительству было хорошо извѣстно растущее поголовное обнищаніе русскаго крестьянства.

Житье мужицкое было у всѣхъ на-виду. Сколько крестьянъ въ деревняхъ живетъ, сколько у нихъ земли, сколько платежей вноситъ крестьянинъ, какъ онъ бѣдствуетъ,—все это видѣло начальство собственными глазами и знало изъ отчетовъ, книгъ и ученыхъ трудовъ. О крестьянахъ и деревенскихъ нуждахъ въ Петербургѣ много говорили въ разныхъ министерствахъ, въ комиссіяхъ и въ сановныхъ совѣщаніяхъ, но говорили все господа по своему, не слушая и не приглашая къ себѣ самихъ крестьянъ. Поговорятъ-поговорятъ, да и перестанутъ. Вѣдь господамъ чиновникамъ было убыточно облегчить участь крестьянъ, почти каждый изъ высшихъ чиновниковъ—самъ помѣщикъ, самъ баринъ. Уменьшеніе крестьянскихъ налоговъ и податей тоже было невыгодно чиновникамъ; вѣдь тогда богатые люди должны были бы платить въ казну больше, чѣмъ они платятъ теперь. Года три тому назадъ (въ 1902 году) въ Петербургѣ было образовано особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Этому совѣщанію было поручено разсмотрѣть и нужды крестьянской жизни. По всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ были учреждены комитеты для того, чтобы выяснить потребности сельской жизни и причины народной бѣдности. Хотя въ этихъ комитетахъ участвовало очень мало крестьянъ, но все-таки въ нѣкоторыхъ комитетахъ было ясно указано и доказано, въ какой тяготѣ живутъ крестьяне. И по Саратовской губерніи въ комитетахъ много выяснилось нуждъ деревенскихъ и высказаны были благія пожеланія. Возь-

мемъ Балашевскій комитетъ. Онъ подробно разсуждалъ о количествѣ земли у крестьянъ Балашовскаго уѣзда, о расходахъ и доходахъ крестьянской семьи, вникнулъ въ условія крестьянскаго земледѣлія, и онъ между прочимъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Прямые и косвенные налоги лишаютъ крестьянъ большей половины ихъ доходовъ и обезсиливаютъ крестьянское хозяйство. Безусловно нужно облегчить податное бремя, лежащее на крестьянской массѣ—сложить государственный поземельный налогъ, значительно понизить выкупные платежи и всѣ косвенные сборы на предметы первой необходимости: чай, сахаръ, спички, керосинъ и т. д.

2) Нужно ввести подоходный налогъ, то есть такой платежъ, при которомъ чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ онъ больше платитъ въ казну денегъ.

3) Въ настоящее время значительная часть крестьянъ Балашовскаго уѣзда надѣлена землей въ недостаточномъ размѣрѣ, и оттого крестьяне не могутъ сдѣлать въ своихъ хозяйствахъ какихъ-нибудь крупныхъ улучшеній. Каждому крестьянскому хозяйству въ уѣздѣ необходимо десятинъ 30 земли. Вотъ какія постановленія сдѣлалъ Балашовскій комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.*) Подобныя постановленія приняты и въ нѣкоторыхъ другихъ комитетахъ. Всѣ эти постановленія были отправлены къ высшему правительству. Однако, толку отъ этого никакого не вышло. Правительство выслушивало, читало эти постановленія и ничего не предпринимало для ихъ исполненія. Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1905 г. въ Петербургѣ было учреждено еще особое совѣщаніе подъ начальствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина. Совѣщанію этому было поручено выработать мѣры для укрѣпленія крестьянскаго землевладѣнія, но зато было строго настрого наказано, чтобы частныя имѣнія дворянъ, купцовъ и другихъ помѣщиковъ были неприкосновенны, чтобы крестьяне и не помышляли о принудительной уступкѣ имъ помѣщичьей земли. Стало-быть, правительство

*) Труды мѣст. ком. о пол. сельск.-хозяйст. промыш. XXXVII. Саратовская губернія. Стр. 331 и 349. Спб. 1903 г.

всегда знало, въ чемъ состоитъ главная нужда крестьянская, но не желало или не могло ее удовлетворить.

Взамѣнъ того высшее начальство очень старалось о томъ, чтобы крестьяне не поняли причинъ своей бѣдности, чтобы они не придумали своихъ способовъ, какими можно поправить тяжелое положеніе. Крестьянъ всемѣрно держали въ темнотѣ. Книгъ настоящихъ въ деревнѣ не допускали, а если какія книги доходили, то по дорогой цѣнѣ; въ дешевыхъ же книжкахъ не дозволяли писать о томъ, что нужнѣе всего было знать крестьянамъ; въ дешевыхъ книжкахъ дозволялось писать больше разныя сказки, побасенки или непонятныя нравоученія. Въ народныхъ школахъ по приказанію высшаго начальства ничему не учили и ничего не говорили, кромѣ простой грамоты и счета; настоящихъ знаній и образованія народная сельская школа не могла дать крестьянскимъ дѣтямъ и подросткамъ. Просвѣщеннымъ людямъ не разрѣшалось поступать въ народные учителя. Если кто изъ учителей или учительницъ осмѣливался давать крестьянамъ хорошія, но недозволенныя книги, тому плохо приходилось,—увольняли и наказывали. Кто изъ народныхъ учителей говорилъ крестьянамъ о землѣ, о законѣ и правахъ по своему разумѣнію и совѣсти, такихъ учителей и учительницъ начальство со службы выгоняло или даже сажало въ тюрьму. За это самое и я былъ уволенъ со службы въ Вороновѣ, лишенъ заработка и просидѣлъ въ тюрьмѣ, въ одиночной камерѣ, восемь мѣсяцевъ. И про меня же полиція и начальство пускали въ народѣ слухъ, будто я—преступникъ и смутьянъ, будто я врагъ отечества и народа, будто я вреденъ народу; и кое-кто изъ темныхъ крестьянъ, особенно стариковъ, вѣрилъ этой клеветѣ.

Такъ поступало начальство не съ одними сельскими учителями. Полиція и жандармы выслѣживали каждый шагъ докторовъ, фельдшеровъ и всѣхъ пріѣзжихъ людей, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не скрывали отъ крестьянъ правды про государственные порядки и правительство. Начальство преслѣдовало, ссылало и заключало въ остроги всѣхъ, кто пріѣзжалъ въ деревню для того, чтобы выяс-

нить деревенскимъ жителямъ истинное отношеніе правиства къ нуждамъ крестьянства и призвать крестьянство къ самопомощи. Начальство преслѣдовало и безъ суда наказывало тѣхъ крестьянъ, которые раньше другихъ постигали негодность законовъ, безправіе народа и причину крестьянскаго разоренія. Всѣхъ раскрывающихъ правду начальство старалось осудить передъ крестьянами, чтобы они не догадались, за что правыхъ людей гонятъ, за что ихъ ссылаютъ и сажаютъ въ каменные замки. Всѣхъ политическихъ начальство называло преступниками и противниками Бога и народа. За начальствомъ ту же ложь твердили и многіе священники.

Начальство усердно заботилось о томъ, чтобы всячески оттирать людей понимающихъ или, какъ говорятъ, интеллигенцію отъ простого народа, оно заботилось о томъ, чтобы не проникъ лучъ настоящаго свѣта въ деревню. Если случалось, что какой-нибудь крестьянскій сынъ получалъ образованіе въ городѣ, въ среднемъ и высшемъ учебномъ заведеніи, то такого образованнаго крестьянина начальство непремѣнно заставляло выписаться изъ своего общества, быть подальше отъ своихъ,—не знайся, молъ.

Повторяю вамъ, что правительству были извѣстны нужды народныя, но оно ихъ само не устраняло. Пришлось бороться.

V.

Отличія прошлаго года отъ прежнихъ лѣтъ.

Здѣсь коротко изложены бесѣды Ивана Васильевича съ Кирилловымъ. На самомъ дѣлѣ, онъ очень подробно разсказывалъ о положеніи деревни и о людяхъ, желавшихъ помочь горю крестьянскаго и рабочаго люда. Онъ много разсказывалъ о преслѣдованіяхъ, какимъ всегда подвергались тѣ изъ крестьянъ, рабочихъ, интеллигенціи, которые, забывая о собственномъ благополучіи, раскрывали неправды, небоялись тюрьмы и смерти, боролись за свободу народа, за землю для крестьянства... Въ одну изъ бесѣдъ Кирилловъ спросилъ Иванъ Васильевича:

— Скажите намъ, Иванъ Васильевичъ, вотъ что: бы-

вали-ли прежде крестьянскія волненія, или только въ нынѣшнемъ году въ первый разъ поднялось крестьянство?

— Бывали и прежде,—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ —бывали даже и въ нашей Саратовской губерніи.

— Ну что же, помогали эти волненія или нѣтъ?

— Я такъ и ожидалъ отъ васъ этого вопроса. И я отвѣчу на него слѣдующее. Волненій изъ-за земли или, какъ въ книгахъ говорятъ, аграрныхъ безпорядковъ, было много. Бывали они въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Но никогда не было такихъ сплошныхъ и одновременныхъ волненій, какъ теперь. Въ отдѣльныхъ селахъ и волостяхъ по временамъ возникали очень сильныя волненія, доходившія до вооруженнагѣ столкновенія, до сопротивленія властямъ и войскамъ. Всѣ они кончались печально и жестоко для крестьянъ. Розгами и выстрѣлами, арестами и издѣвательствомъ начальство глушило волненіе. Судъ грозный судилъ и обвинялъ поднявшихся мужиковъ, какъ грабителей и преступниковъ. Въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ кончали свою жизнь крестьяне, рѣшавшіеся отвоевать себѣ землю. Такъ же кончилось и большое крестьянское движеніе, бывшее въ 1902 году въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ; волненіе это охватило нѣсколько смежныхъ уѣздовъ, но всетаки воинской расправой, поркой и повальными арестами властямъ удалось подавить движеніе. Года 3 тому назадъ были аграрные безпорядки и въ Саратовской губерніи, особенно въ Балашовскомъ уѣздѣ, были и раньше. Но всѣ они подавлялись и усмирялись суровыми мѣрами начальства; оно пугалось, какъ огня, крестьянской силы. Но все это были только предвѣстники того движенія, какое происходитъ теперь. Теперешнее движеніе сильно отличается отъ прежнихъ волненій и вотъ чѣмъ.

Я уже сказалъ вамъ, что волненіе началось въ серединѣ октября мѣсяца сразу въ нѣсколькихъ уѣздахъ Саратовской губерніи и отсюда очень быстро передалось въ въ другія губерніи. Сначала оно перебросилось въ сосѣднія Тамбовскую и Пензенскую губерніи, а потомъ начались волненія и въ отдаленныхъ губерніяхъ. Движеніе и еще дальше будетъ расти, будетъ распространяться. Стало быть, первое

отличіе происходящаго крестьянскаго движенія, это—его огромность. Случайно или по чьему-нибудь наущенію такое сильнѣйшее движеніе не возникло бы: оно имѣетъ за собой вѣскія основанія. Въ прежнія времена бывали земельные безпорядки чаще всего изъ-за обидъ отдѣльныхъ помѣщиковъ. Бывало, въ какой-нибудь деревнѣ Ивановкѣ мужики, обиженные помѣщикомъ, поднимались противъ него и силой захватывали землю, какую считали своею или какая имъ была нужна «до-зарѣзу». Начальство, бывало, являлось, принимало сторону помѣщика, вызывались солдаты, и дѣло кончалось выстрѣлами или поркой и судомъ для крестьянъ. Сосѣднія деревни знали хорошо, что происходило въ Ивановкѣ, жалѣли ивановцевъ, сочувстволи имъ, но не поддерживали ихъ ничѣмъ. Такихъ ивановокъ, которыхъ розгами и острогомъ начальство вразумляло повиноваться властямъ и работать на помѣщика, много на Руси. Но всѣ эти ивановки поднимали голосъ въ одиночку, врозь, каждая изъ-за своего клочка земли, каждая изъ-за обиды на своего помѣщика.

Поднявшееся теперь крестьянское волненіе идетъ по иному, направляется не противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, не лично противъ господъ. Оно поднялось за все народныя права на землю, за то, чтобы вся земля принадлежала людямъ, собственными руками обрабатывающимъ ее. Въ теперешнемъ движеніи крестьяне не трогаютъ и не хотятъ трогать личность помѣшиковъ, но они отрицаютъ ихъ право владѣть землей, ихъ право обрабатывать ее чужими руками. Они отрицаютъ частную собственность на землю и объявляютъ всю землю народнымъ достояніемъ, принадлежностью всѣхъ трудящихся на ней. Они удаляютъ помѣщиковъ изъ деревни, потому что, по ихъ мнѣнію, помѣщикамъ нечего дѣлать въ деревнѣ. Они жгутъ ихъ усадьбы для того, чтобы въ нихъ скоро не вернулись помѣщики и чтобы ихъ не заняли казаки и солдаты. Крестьяне берутъ помѣщичій хлѣбъ себѣ потому, что онъ добытъ не помѣщиками, а крестьянами. Впрочемъ, не всѣ и усадьбы поджигаются; не рѣдко всѣ постройки и усадьбы оставлены цѣлыми, объявлены общественной народной собствен-

ностью и предназначены для общественныхъ нуждъ. Однимъ словомъ, поднявшіеся крестьяне Саратовской губерніи захотѣли установить новые земельные порядки. Они взялись за труднѣйшую задачу—сдѣлать всю землю народной, общественной, мірской собственностью.

И многіе изъ крестьянъ хорошо понимали, что это зависитъ не отъ одного ихъ хотѣнья. Они понимали, что теперешнее правительство чиновниковъ не сможетъ и не пожелаетъ ввести тѣ земельные порядки, какіе желательны крестьянству. Они понимали, что необходимо сдѣлать само правительство народнымъ, чтобы само государство было преобразовано, а потому требовали созыва учредительнаго собранія въ Петербургѣ изъ избранныхъ всѣмъ народомъ людей. Свои пожеланія и требованія крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указывали въ общественныхъ приговорахъ, подписанныхъ десятками и сотнями крестьянъ.

Такимъ образомъ, второе отличіе теперешняго саратовскаго крестьянскаго волненія отъ прежнихъ земельныхъ безпорядковъ, это—его общественность, глубина и нѣкоторая сознательность. Крестьяне сознали, что главное зло—не въ личности помѣщиковъ, что благополучіе каждой деревни тѣсно связано со всѣми порядками въ Россіи и что каждое крестьянское хозяйство тѣсно связано со всѣмъ земельнымъ устройствомъ въ государствѣ.

Сила, глубина и сознательность крестьянскаго движенія произошла оттого, что крестьяне за послѣднее время стали довѣрять соціалистамъ. Мужики стали съ довѣріемъ слушать рѣчи соціалистовъ, читать ихъ книги и листки, устраивать по ихъ совѣтамъ кружки, комитеты и союзы. За послѣднее время многіе поняли, что нечего опасаться соціалистовъ. Крестьяне стали понимать, сколько вреда они себѣ дѣлали, когда по темнотѣ своей хватали и выдавали полиціи своихъ настоящихъ друзей-соціалистовъ, и какому обману они поддавались, когда безусловно вѣрили всякому слову начальства и духовенства.

Мысль крестьянства освобождается изъ плѣна, въ которомъ она пребывала прежде; крестьяне начинаютъ стряхивать съ себя и хотятъ вовсе стряхнуть ярмо разныхъ

огсподъ-опекуновъ, давившихъ и угнетавшихъ долго ихъ умъ и чувство. Въ согласіи, въ единеніи всѣхъ крестьянъ—ихъ сила. Устройство совѣтовъ, *организація* трудового крестьянства—вотъ путь, по которому оно можетъ добыть само себѣ независимость, свободу и землю.

Сознавали это и прежде крестьяне, но немногіе рѣдкіе крестьяне. Мало прежде было такихъ мужиковъ, которые ясно видѣли паутину, оплетавшую деревенскую жизнь. Еще меньше было такихъ, которые не боялись читать запрещенныя книжки, собираться вмѣстѣ и обсуждать сообща способы помочь обездоленному крестьянству. Очень мало было такихъ, которые соглашались войти въ союзы и организаціи. Только за самые послѣдніе годы такихъ людей по деревнямъ стало больше. Въ 1905 году крестьяне, особенно посмѣлѣли. Въ этомъ году въ столицахъ и по всѣмъ, большимъ городамъ многія тысячи простыхъ рабочихъ людей окончательно поняли, что соціалисты утверждаютъ правду, поняли, что чиновники, министры, духовенство для собственной выгоды преслѣдуютъ и клевещутъ на соціалистовъ. За столицами и крупными городами сознали, на чьей сторонѣ правда, рабочіе и въ малыхъ городахъ. Заволновался городской народъ, потребовалъ себѣ правъ и лучшей доли. Ни разстрѣлы на улицахъ, ни тюрьмы, ни нагайки казаковъ не остановили рабочихъ. Они требовали себѣ свободы слова, свободы печати, свободы союзовъ и собраній. Они требовали всенароднаго учредительнаго собранія для установленія новыхъ болѣе справедливыхъ законовъ и порядковъ. За-одно съ рабочимъ народомъ потребовали того же и многіе честные образованные люди изъ адвокатовъ, докторовъ и ученыхъ изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ земствахъ, въ городскихъ управахъ и прочей интеллигенціи. Со всѣхъ сторонъ къ правительству поступали требованія предоставить народу участіе въ управленіи государствомъ и гражданскую свободу.

Подъ напоромъ этихъ требованій правительство стало обѣщать разныя преобразованія, а 6 августа (1905 года) издало законъ о Государственной Думѣ. Но городскіе—фабричные и заводскіе—рабочіе и интеллигенція были недо-

вольны этимъ закономъ. Они увидѣли, что законъ этотъ мало принесетъ пользы государству и печется больше объ интересахъ людей богатыхъ, а не бѣдныхъ, неимущихъ. Было видно, что рабочіе и крестьяне будутъ имѣть въ Государственной Думѣ слишкомъ мало защитниковъ своихъ интересовъ. Нужно было добиваться отъ правительства еще дальнѣйшихъ уступокъ народнымъ требованіямъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ по всей Россіи была устроена всеобщая забастовка; это значитъ, что желѣзныя дороги стали, заводы и фабрики перестали работать, склады и магазины закрылись, въ школахъ перестали учить; однимъ словомъ, всѣ рабочіе и служащіе по городамъ и станціямъ пріостановили свою работу, чтобы добиться отъ правительства исполненія своихъ желаній. И 17 октября (1905 года) былъ изданъ Высочайшій манифестъ о свободѣ слова, собраній, союзовъ и о неприкосновенности личности, съ обѣщаніемъ улучшить законъ, изданный два мѣсяца тому назадъ о Государственной Думѣ.

Крестьяне, сидя у себя по деревнямъ, бывая въ городахъ, читая газеты, узнавали кое-что о городскихъ происшествіяхъ. Они знали кое-что о борьбѣ, какую успѣшно ведетъ по городамъ рабочій народъ и интеллигенція. Это придавало сознательному крестьянству большую смѣлость. Вотъ отчего, между прочимъ, въ 1905 году крестьянское движеніе особенно усилилось, голосъ крестьянина сдѣлался громче и слышнѣе.

VI.

Въ чемъ слабость крестьянская?

Я говорилъ вамъ, что въ теперешнемъ крестьянскомъ движеніи нельзя видѣть одну лишь смуту. Въ немъ нельзя также видѣть одну лишь месть обездоленныхъ людей своимъ угнетателямъ. Въ требованіяхъ и поступкахъ поднявшагося крестьянства замѣтно много мысли, сознательности и общественности. Къ великому сожалѣнію, не вездѣ или не въ достаточной мѣрѣ была эта сознательность и обще-

ственность. По мѣстамъ крестьяне присоединялись къ движенію безсознательно, дѣлали все, чему сосѣди учили; дѣлали только для того, чтобы не отстать отъ другихъ или чтобы поживиться чужимъ имуществомъ. Въ такихъ случаяхъ былъ грабежъ ради грабежа, поджогъ ради поджога. Во многихъ мѣстахъ крестьяне были мало увѣрены въ своей силѣ, и оттого прибѣгали къ выжиганію помѣщичьихъ усадебъ, амбаровъ и заводовъ, къ вырѣзыванію скота и тому подобное. Правда, крестьяне, къ ихъ великой чести, нигдѣ не прибѣгали ни къ убійствамъ ни къ побоямъ помѣщиковъ; они вели себя много лучше, чѣмъ тѣ власти, которыя явились потомъ для «усмиренія». Но и поджоги— дѣло напрасное, насиліе. Людямъ, вполнѣ сознающимъ свои право и силу, не къ чему уничтожать помѣщичье добро, не зачѣмъ было прятать отобранное у помѣщиковъ имущество. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ крестьяне были вполнѣ согласны между собой и гдѣ дѣйствовали совершенно сознательно, тамъ-то дѣло обходилось безъ пожаровъ: отбирали хлѣбъ, удаляли помѣщиковъ, а землю и постройки объявляли общественной собственностью. Однако, такъ было не вездѣ, и во многихъ мѣстахъ крестьяне изъ опасенія, что помѣщики вернутся, предавали огню ихъ усадьбы.

Отъ малой сознательности происходило и то, что многіе крестьяне легко поддавались внушеніямъ разныхъ деревенскихъ торговцевъ, барышниковъ и богатѣевъ, духовенства и волостныхъ властей. Этимъ людямъ покойно и сладко жилось при прежнихъ порядкахъ: мужицкое малоземелье, мужицкая темнота, тяжелыя подати не касались ихъ, а не то такъ и выгодны были имъ. Разставаться съ своимъ покойнымъ и сладкимъ житьемъ этимъ людямъ не хочется. Оттого никакого измѣненія земельныхъ порядковъ они не желали. Когда началось крестьянское движеніе, они задрожали за собственное благополучіе, завопили о преступности захвата хлѣба и земли, сговорились между собой и съ помощью полиціи и войска стали по своему, по грубому расправляться съ сознательными крестьянами. Прикрывая свою корысть именемъ Бога и Царя, расточая

клевету на образованныхъ людей, не разумѣя мужицкаго голода и нищеты, эта *черная сотня* разжирѣвшихъ барышниковъ и ростовщиковъ хулила и чернила развитыхъ крестьянъ и соціалистовъ, распускала про нихъ ложные слухи и разныя выдумки. Многіе изъ темныхъ и забитыхъ крестьянъ, не понимая, на чьей сторонѣ правда, поддавались рѣчамъ черной сотни и по слѣпотѣ своей нападали на своихъ настоящихъ друзей. Такимъ образомъ, начиналось понятное черносотенное движеніе. Это было въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Если-бы крестьянское движеніе было вполнѣ сознательнымъ, если бы всѣ крестьяне хорошо сознавали свои интересы, то черносотеннаго движенія не было бы. Тогда черная сотня не посмѣла-бы пикнуть противъ тысячи сознательныхъ и согласныхъ крестьянъ, не дерзнула-бы сплетничать и клеветать, не осмѣлилась-бы выступить противъ крестьянства и интеллигенціи. Черная сотня сильна только тамъ, гдѣ теменъ народъ. Дерзость черной сотни по мѣстамъ творитъ свое черное дѣло отъ малой сознательности и разобщенности крестьянства.

Та-же малая сознательность и малая сплоченность ослабили крестьянство передъ полиціей и помѣщиками, передъ казаками и драгунами, присланными начальствомъ для усмиренія поднявшихся крестьянъ. Казаки своевольничаютъ въ деревняхъ такъ, словно они въ непріятельской странѣ: они жестоко бьютъ людей, пытаютъ, грабятъ, издѣваются и оскорбляютъ. Съ именемъ царя и правительства на устахъ, казаки попираютъ въ крестьянахъ человѣческую честь, истязаютъ человѣческое тѣло, и услаждаются человѣческими страданіями. Многіе изъ нихъ дѣлаютъ это по своей темнотѣ; придетъ день и они поймутъ всю преступность своихъ дѣйствій. Но пока деревня страдаетъ отъ нихъ. Богатые помѣщики нанимаютъ себѣ вооруженныхъ людей и хотятъ съ ихъ помощью держать крестьянъ въ послушаніи. Полиція и черная сотня указываютъ казакамъ, кого изъ крестьянъ бить и хватать, кого изъ крестьянъ объявлять преступникомъ и крамольникомъ. Страдаютъ и побиваются часто самые развитые, лучшіе крестьяне. Жестокая расправа возможна только потому, что она не

встрѣчаетъ отпора отъ крестьянства; если-бы крестьяне держались дружно, если-бы сгрудились вмѣстѣ, то и казаки не посмѣли бы дѣлать беззаконій, а о трусливыхъ полицейскихъ, помѣщикахъ и черносотенцахъ и говорить нечего. Если бы были крѣпкіе союзы крестьянскіе, то не было бы у крестьянъ растерянности, не было бы малодушія и предательства, не было бы всѣхъ ужасовъ, какіе творились и творятся по деревнямъ при подавленіи «безпорядковъ». Противъ произвола и свирѣпости народныхъ враговъ защитой должна быть сплоченность крестьянъ между собой, *организованность*, значитъ, дружныя и согласныя дѣйствія.

Трудовому рабочему крестьянству необходима земля, необходима полная, дѣйствительная свобода политическая и гражданская, и всего этого добьется безъ ненужныхъ насилій и страданій крестьянство, сплоченное въ дружный и крѣпкій союзъ. Соединившееся въ свои союзы или въ партію крестьянство добудетъ себѣ земли и воли.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

№	Названіе	Цѣна
1	Короленко—Пріемышъ . . .	2
2	Дмитріева—Майна-вира . .	3
3	Чириковъ—Маленькій грѣшн.	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараськ.	$1^{1}/_{2}$
5	Кретцеръ—Исторія чернаго сюртука	1
6	Крандіевская—Для души . .	2
7	Чириковъ—Свинья	2
8_2	Н.-Данченко—Старый замокъ	3
9	Свирскій—Забракованный	2
10_2	Костинъ—Ошибка	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3
12	Станюковичъ—За „Щуплень.	2
13	Митропольскій—Вода	2
14_2	Серафимовичъ—Месть . .	3
15	Мельшинъ—Искорка . . .	3
16	Мельшинъ—Чортовъ яръ . .	4
17	Андреевъ—Гостинецъ . .	2
18	Андреевъ—Петька на дачѣ .	2
19	Дмитріева—Мама на войнѣ .	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2
21	Бѣлоконскій—Страховка . .	2
22	Ивашева—Мой день . .	2
23	Короленко—Ночью	5
24	Тимковскій—Среди людей .	5
25	Русова—Біограф Гарибальди	4
26	Отч. Пар. не выуч. грам. . .	3
27	Златовратскій—Мечтатели	4
28_2	Н-Данченко—Махмуд. дѣти .	3
29	Ожешко—Гедали	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Іоська	2
31	Вересаевъ—Въ пути	1
32	Франко—Самъ виноватъ . .	$1^{1}/_{2}$
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас.	$1^{1}/_{2}$
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3
35	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ .	2
36	Митропольскій—Отсрочка .	1
37	Яблоновскій—Удружилъ . .	1
38	Франко—Хорош. заработокъ	1
39_2	Мать (съ армянскаго) . . .	$1^{1}/_{2}$
40	Остои—Поденщикъ	2
41	Некрасовъ и Никитинъ . .	4
42	Бунинъ—Байбаки	3
43	Петровскій—Не дался . . .	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья .	2
45	Серафимовичъ—Въ бурю . .	3
46	Яблоновскій—Конокрадъ . .	3
47	Франко—На днѣ	9
48_2	Какъ сицил. крест. боролись	6
49	Н-Данченко—Воскр. пѣснь .	5
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4
51	Бѣлоконскій—Дерев. Печальн	3
52	Дмитріева—Волки	3
53_2	Мирбо—Война	3
54	Митропольскій—На плотахъ	3
55	Короленко—Черкесъ	4
56	Вересаевъ—Звѣзда	$1^{1}/_{2}$
57	Телешовъ—Противъ обычая	2
58	Яблоновскій—Въ консульт.	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ .	1
63	Елпатьевскій—Отл. мой сок.	2
64	Станюковичъ—Эмигрантъ .	3
65	Избр. стихот. Надсона . .	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ .	3
67	Андреевъ—Жили-были .	3
68	Скиталецъ—Атаманъ . . .	2
69	Серафимовичъ—Въ камышахъ	2
70	Бѣлоконскій—За что и почем.	3
71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
72	Елпатьевскій—Присяж. зас.	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху . . .	1
74	Серафимовичъ—На льдинѣ .	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4
76	Булгаковъ . Что за стр. Япон.	5
77_2	Яковлева—Свидѣтель . .	8
78	Телешевъ—Хлѣбъ-соль . . .	$1^{1}/_{2}$
79_2	Русова—На счаст. остров. .	6
80	Короленко—Соколинецъ . .	7
81	Чириковъ—Коля и Колька .	2
82	Елеонскій—Огорченіе . . .	3
83	Русова—Братья Гракхи . .	3
84	Телешовъ—Нужда	$1^{1}/_{2}$
85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
86_2	Молодая жизнь . .	7
87	Золя—Кровь	3
88	Бѣлоконскій—Фейга . .	3
89	Успенскій—Будка	3
90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
91	Пѣсни мира Сборн. стихот. . .	2
92	Н.-Данченко—Соловьин. ночь	1
93	Бѣлоконскій Страш. мѣсто	$1^{1}/_{2}$
94	Мирбо—Бродяга	1
95	Гези—Антуанъ Матье	3
96	Тимковскій—Травля	5
97	Наживинъ—Волосъ Мадонны	1
98	Франко—Къ свѣту	3
99	Чириковъ—Въ отставку . . .	7
100	Зарницы—Сборникъ стихот. .	5
101	Андреевъ—На станціи	1
102	Бунинъ—На край свѣта . .	$1^{1}/_{2}$
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Короленко—Марусина заимка	10
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Андреевъ—Въ темную даль .	3
107	Андреевъ—Валя	2
108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
109	Короленко—Послѣдній лучъ .	3
110	Короленко—Морозъ	4
111	Мельшинъ—Въ плѣну	3
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье .	7
114	Рубакинъ—Книгоноша . . .	20
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
117	Наживинъ—Ложь	$1^{1}/_{2}$

118 Суздальцевъ.—Рич. Остлеръ. . 3
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5
120 Короленко—Госуд. ямщики . 7
121 М. Конопницкая—Яктонъ . $1\frac{1}{2}$
122 А. Яблоновскій Нухимъ . 3
123 П. Бутошинъ—Случай № 212 1
123. С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6
125 В. Короленко—На затменіи . . 3
126 Сказка о четырехъ братьяхъ 4
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ 4
128 Наживинъ—Въ степи . . . $1\frac{1}{2}$
129 Конопниц.—Мендель Гданскій 3
130 Пругавинъ—Милліонъ . . . 6
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2
132 Гези—Благотворительность . . 2
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3
134 Какъ нѣмцы доб. себѣ своб. . 3
135 Короленко—Чудная 3
136 Бакур.—Какъ выб. нар. пред. . 1
137 Разрушенный молъ 1
138 Успенскій—Неизлѣчимый . . 5
139 Погорѣловъ—Въ глуши 2
139^1 Бунинъ—Черноземъ 2
140 Л. Андреевъ—Предст. кража $1\frac{1}{2}$
141 Конопницкая—Дымъ . . . . $1\frac{1}{2}$
142 Національное собраніе . . . $1\frac{1}{2}$
143 Амичисъ—Красная гвоздика 2
144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3
145 Права человѣка и граждан. $1\frac{1}{2}$
147 Бирскій—Безъ исхода 3
148 О земельномъ вопросѣ 2
149 Сонъ подъ 1-е мая 3
150 Пауки и мухи 1
150^2 Павуки та мухи 1
153 Что такое государ. роспись . . 3
153^2 Джаво—(съ арм.) . . . . . $1\frac{1}{2}$
154 Областное народоправіе . . . 1
155 Національн. рада (на малорос.) 2
156 О налогахъ (Хитрая механика)
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . . . 3
158 Какъ франц. добыли свободу . 3
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? . 3
160 Л. Толстой—О смерт. казни . 1
161 Новиковъ—Женщ.-тов.-мужч. 4
162 Что такое тайн. под. голосовъ 1
163 Радловъ—Котлочистъ Ваня . 4
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . 6
165 Журавлевъ—Убійство 3
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ . . . 3

167 Пѣсни борцовъ—Сб. стихотв. 3
168 Конопницкая—Юзефово . . $1\frac{1}{2}$
169 Танъ—Истин. народн. предст. 4
170 Дѣти рабочихъ 1
171 Серафимовичъ—Подъ землей . 3
172 О. Зновиц.—Въ чертѣ осѣдл. $1\frac{1}{2}$
173 Ив. Наживинъ—Братья . . . 2
174 Ивановичъ—Не понравилось 2
175 Русова—Своб. респ. Швейц. 4
176 Партіи и крестьяне въ Г. Дум. 15
177 Новиковъ—Враги народа . . 15
178 Г. Джорджъ, его жизнь и учен.
178^2 Костинъ—Одинъ 2
179 Шевченко—Изб стих (малор). 3
180 Поливановъ—Кончился . .
181 Какъ мужичекъ въ долгу ост.
182 Не въ моготу . . . . . .
183 Почему бѣдна Россія . . . .
184 Пѣсни рабочихъ 2
185 Ибаньесъ—Должн. лицо (пал.) 2
186 Товарищъ, не измѣняй . . . 1
187 Народный трибунъ Бабефъ 1
188 Львовъ—Общ. прав. о землѣ 4
189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности 1
190 О. В. Почему треб. своб. сход. 1
191 Анг. рабоч прежде и теперь 4
192 Какъ госп. 1-е мая празднов. $1\frac{1}{2}$
193 Что видно въ подзор. трубу 2
194 Голубевъ—Что сказали наши представит. Царю . 4
195 Голубевъ—Что министры сказали нашимъ представит. 2
196 За свободу—Сб. стихотв. . . 2
197 Волкенштейнъ—Женщ.-изб. 1

Въ помощь читат. разбор. нов. кн.:
198 Аграрный вопр. . . 5
Рабоч. вопросъ . . . 5
Избират. право . . . 5
198^4 Историческія книги 5
198^6 Беллетристика . . . 5
198^7 Практичес. политика 5
198^9 Аграрн. вопросъ в. П 5

199 Мельшинъ—Школа въ катор. 7
200. Короленко. Сонъ Макара . 6
200^2 Наши братья 5
402 Русова—Луиза Мишель . . 8
404 Питомецъ воспитател. дома 5
406 Юшкевичъ—Ита Гайне . . 12
408 Брусянинъ—Заразные люди 2

Главный складъ: Ростовъ на Дону, Казанская ул., 42.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тефлисѣ и Томскѣ.

Лица, выписывающ. на 3 р., за пересыл. не платятъ. Книжн. маг. 30% скид.

Выписыв. изъ Ростовск. склада свыше 20 р. въ Европ. Рос. за перес. по желѣзн. дор. не платятъ.

Ростовъ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь“.